

давности... Это Одиссею в его странствиях пели сирены, а ему, русскому поэту, изгнаннику и скитальцу, не знающему за собой вины, поет неживой петух с церковного креста. О чем же?

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан
И отчий дом, и милый друг,
И круг детей, и внуков круг,
Что вечен только мертвых сон,
Да божий храм, да крест, да он.

Бунин, с его трезвым, остро критическим складом ума, питаемым современным скепсисом (но никак не атеизмом!), многое подвергал сомнению. Скажем, бессмертие души. *«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную»* (Ин 6:47) — эти слова были для писателя камнем преткновения.

О, как жаждал Бунин личного бессмертия и... не мог в него поверить. Чрезвычайно сдержанный в отношении веры, только стихам доверял он сокровенное:

Есть ли тот, кто должной мерой мерит
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит — да.

Вера Николаевна Бунина, жена, посланная ему, по его собственному признанию, Богом, в своем дневнике более открыто говорит на эту шепетильную тему: *«Ян верит, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя он страстно желал бы этого, — “Ведь я не верю в смерть”»*.

Она же без комментариев передает его насмешливую реплику по адресу Дмитрия Сергеевича Мережковского, который был абсолютно убежден в своем бессмертии и как-то раз в общей беседе выразил уверенность, что *«за миром явлений»* его душа будет вместе с Лермонтовым: *«...Ян, улыбнувшись, сказал: — У него плохой характер»*.

Нет, в богоотступники и тем более в богоборцы, при всем его интересе к образу Каина, Бунина записать нельзя. Каин остался там, в начале века. Потом наступили оКАЯНные дни. На всем лежала каинова печать. ПоКАЯНИЕ, не только церковное, но и обычное, продиктованное совестью, стало для многих чем-то почти недостижимым... И у Бунина характер был не сахар, и он восставал против того, что считал античеловеческим, несправедливым, не соответствующим высокому призванию homo sapiens. Но его спасало то, что можно назвать врожденным чувством иерархии. Гнев и даже ярость Бунина могли обрушиться на любого двуногого представителя тварного мира, — но не на Создателя.

Выше я уже говорила о целомудренном отношении поэта к религии, другими словами, связи с Высшим началом. Дистанция соблюдается всегда, причем для Бунина, судя по всему, она не в тягость, а в радость: это естественная позиция одаренного к Дарителю, сына к Отцу: